

С.ЧЕННЫК (СИМФЕРОПОЛЬ)

СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ БАСТИОНЫ ВИЛЬГЕЛЬМА ТИММА

Отличаясь гостеприимностью, семейство бургомистра принимало в стенах своего уютного дома построенного в стиле «бюргерского классицизма» выдающимся рижским архитектором Кристофером Хабеландом, немало европейских знаменитостей. В числе гостей были Рихард Вагнер, Фернец Лист. Дети Фридриха Тимма росли одаренными личностями: дочери Лидия и Эмилия, второй сын Эмиль и самый младший Рихард стали популярными в Риге музыкантами. Сказывалось отношение отца к воспитанию детей, воплотивше-

волила ему и распорядилась по-своему: в 1834 г. Вильгельм Тимм поступил в батально-живописный класс земляка своего отца и его прекрасного знакомого - профессора Александра Ивановича Зауервейда.

Отныне военная тема легла в основу творчества художника. Но не только своими уроками помог юноше профессор Зауервейд. Будучи учителем царских детей, он постепенно ввел в их общество и Вильгельма. Высочайшее знакомство принесло свои плоды - его рисунки привлекли внимание Николая I. Император заказал ему «снятие вида

дня торжественного боя нужно. По сему всепокорнейше прошу Ваше Высочайшее превосходительство приказать сделать надлежащие распоряжения, чтоб от Академии получить паспорт или вид какой, мне следует иметь свободный пропуск, отправляясь по высочайшему повелению в Теплиц и обратно с двумя учениками, а именно: пенсионером импер. Академии Художеств, уволенным от службы гвардии подпоручиком г-ном Коцебу и пенсионером их величеств Вильгельмом Тиммом, которых прошу поместить на один паспорт. Время на проезд и обратно есть бессрочное...». (1)

Георг Вильгельм Фридрих Тимм родился в немецкой семье проживавшей в местечке Зоргенфей на берегу Киш-озера под Ригой 9 июня 1820 г. Его отец, Фридрих Готфрид Тимм (1779-1848) в период царствования Николая I был весьма состоятельным и влиятельным государственным чиновником в остзейских землях Российской Империи. Свою карьеру он завершил в должности бургомистра рижского магистрата. Дом семьи Тиммов находился в Старом городе на ул.Маза Яунелис, неподалеку от городской ратуши и знаменитого Домского собора



Портрет В.Тимма. Худ. О.Петцольд

еся в стремлении сделать их высокообразованными и всесторонне развитыми людьми. Да и сам бургомистр не оставался в стороне от культурной жизни города. По инициативе и при активном содействии отца будущего художника в 1836 г. в Риге прошел Первый музыкальный праздник Балтии. За «попечительство и заботливость» Фридрих Тимм в 1842 г. был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени.

Вильгельм, старший сын бургомистра, с раннего детства раскрыл в себе талант художника. Его альбом с рисунками и набросками, сделанными в двенадцатилетнем возрасте, впоследствии поступит в Третьяковскую галерею.

Благодаря предвидению отца, сумевшем предугадать устремления сына, юноша в четырнадцать лет был отправлен в Императорскую Академию художеств - лучшее профильное учебное заведение Европы. Судьба благо-

маневров» в военном лагере. Тимм блестяще выполнил поручение самодержца. Результатом стало получение «пенсии» от самодержца на весь период обучения. В 1838 г. А.Зауервейд, пользуясь благосклонностью императора, добивается разрешения руководства Академии художеств взять Тимма в Пруссию в Теплиц для сбора материала задуманной профессором картины «Битва при Кульме».

«Ваше Высочайшее превосходительство! Его Императорское величество мне приказать соизволили немедленно в Теплиц отправиться, чтоб там, от его Величества Короля Прусского личное объяснение получить обо всем, что на поле Кульмской битвы случилось и как храбрость российской гвардии французов остановила; Его Величество Король сами мне выберут место и точку, с которой вид снять надлежит, чтоб все то показать, что для объяснения великого

Во время поездки в Пруссию Тимм прекрасно сумел раскрыть свой потенциал серьезного художника-баталиста. Многие из сделанных им рисунков в настоящее время составляют коллекцию Государственного художественного музея Латвии в Риге. Почти все они вошли в картину А.Зауервейда «Битва при Кульме», которая была показана в 1843 г. в Риге.

Лично Тимму известность принесла написанная им в 1840 г. по возвращению в Петербург картина «Раненый гусар». Работу отличает не только детальная проработка элементов экипирования и вооружения изображенных на ней солдата гвардейской пехоты и выводимого им из боя офицера-гусара, но и «умение художника проникнуть в характер человека», которое столь будет отличать его работы периода Крымской войны. Это стиль Тимма, впоследствии ставший характерным

для множества его работ.

В 1837 г. работа Вильгельма Тимма «Группа уланов» получает серебряную медаль второй степени.

В 1839 г. он заканчивает обучение в Академии, представив на суд коллегии эскиз картины на тему войны 1812 г.

Отзыв о своем ученике профессор Зауервейд дал блестящий:

«Если предстоит возможность пенсионеру Их Высочества Вильгельму Тимму по случаю выпуска учеников доставить права и чин, то это было бы мне весьма приятно, ибо он своим рисованием и небольшими картинами давно уже обратил на себя внимание государя и был употреблен Его Величеством во время лагеря для снятия вида маневров.

К тому же в предстоящую выставку удостоверитесь Вы, что он показал значительные успехи, картины его могут быть очень рекомендованы как кабинетные вещи, которые напоминают важные события из отечественной истории, представляя сцены войны 1812 и 14-х годов».

Прошение в канцелярию Академии не осталось без реагирования. Вильгельм Тимм «за хорошие успехи и похвальное поведение» получил медаль первой степени и звание свободного и классного художника. Помимо этого он был награжден шпагой и правом пользоваться ему и его потомкам «всеми правами и преимуществами» чиновника 14-го класса, согласно действующих положений Табели о рангах.

Совершив после завершения обучения в Академии творческую поездку в Германию, Австро-Венгрию и Румынию, девятнадцатилетний художник начинает кипучую деятельность в Петербурге, где становится одним из первых представителей нового направления в литературе и искусстве – критического реализма. Он работает в технике ксилографии и литографии, сотрудничает с несколькими литературными изданиями. Наибольшее признание получила иллюстрированная им книга «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой», три части которой издала лучшая петербургская типография «Journal de St. Peterbourg». Поэма с рисунками Тимма переиздавалась несколько раз, в том числе и после жизни художника. В историю литературы она вошла как первое реалистически оформленное российское издание.

Этот период творчества не столь близок к теме батальной живописи, но

именно в это время Тимм учится тщательно совмещать искусство знатока баталиста и художника-мастера психологического портрета.

За несколько лет работы в столице Вильгельм Тимм стал настолько популярным, что вся петербургская аристократия знала его. Он получил признание как «художник нрава», а его популярность перешагнула границу Российской империи. В 1843 г. состоялось его знакомство с Горацием (Орас- том) Верне, известным французским художником-баталистом, прибывшим в Петербург. Знакомство быстро перерасло в дружбу, и вскоре выдающийся француз, чьи картины были завешаны стены дворцов в Версале пригласил Тимма в Париж для совместной работы над заказанной королем Франции батальной картиной «Взятие Смалы».

Период общения с французским художником способствовал развитию профессионализма Вильгельма Тимма. В 1845 г. он вместе с Верне совершает поездку в Алжир, где делает несколько рисунков с натуры французских солдат, местных жителей. Безусловно, именно этот период сделал его настоящим мастером батального жанра. Впервые попав в условия военной экспедиции, художник начинает употреблять в своем творчестве динамику, естественность, максимальное отражение правды войны. Кто мог знать, что спустя некоторое время они окажутся «по разные стороны баррикад». К счастью, творческих. Верне станет одним из лучших французских авторов, рисующих сцены Крымской войны. Тимм станет лучшим из русских.

Возвратившись в Париж художник представил алжирский цикл в Салоне. Пять из его картин были приобретены королем Франции Луи-Филиппом, который был знаком с его творчеством по иллюстрациям в парижском журнале «Illustration». Через два года 1848 г. Тимм вновь выставил свои работы в Салоне, и король снова приобрел картину «Арабский поэт у дверей мечети».

В Петербурге Вильгельм принимает все мыслимые для художника почести. За рисунок, сделанный лично Великой Княгине Марии Николаевне, автор получает бриллиантовую булавку с жемчужной и изумрудной подвеской.

Благодаря покровительству императорской семьи художнику удается получить разрешение на трехлетнее пребывание в Франции. Весной 1847 г. Вильгельм Тимм выезжает в Ригу, где



В.Тимм. Рисунки на тему Отечественной войны 1812 г., выполненные во время поездки в Теплиц в 1838 г.



В.Тимм. Раненый гусар. 1840 г.



В.Тимм. Начальник 8-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Сельван.



В.Тимм. Начальник инженеров действующей армии генерал-адъютант Шильдер.



В.Тимм. К.Брюллов, В.Корнилов, Г.Гагарин. Иллюстрация из «Русского художественного листка». За спиной одного из будущих героев обороны Севастополя - В.А.Корнилова, виден его портрет работы К.Брюллова.



В.Тимм. Портрет Ораса Верне. 1845 г.

женится на девушке из богатой купеческой семьи – Эмилии Николине Пфаб и вместе с ней продолжает путешествие в Европу.

В Париже он продолжает совершенствоваться как баталист в мастерской своего старого друга Верне. Однако после революционных событий в 1849 г. в Венгрии он беспрекословно выполняет волю Николая I, приказавшего всем подданным империи вернуться в Россию.

С этого года начинается военный период творчества Вильгельма Тимма, апофеозом которого стали бастионы Севастополя.

Войну художник увидел впервые за несколько лет до начала Крымской войны. В 1849 г., получив от министра императорского двора князя Волконского повеление царя «наместнику кавказскому о принятии Тимма под его покровительство» и подорожную до Тифлиса, Вильгельм Тимм прибыл на Кавказ. Год, проведенный в беспокойном регионе, был наполнен работой. Многочисленные рисунки были наполнены жанровыми сценами, в которых фигурам солдат, офицеров, казаков и кавказских горцев передавались с документальной точностью с добавлением оживляющих изображение белил. Каждый рисунок сопровождался надписью, указывавшей место, время, имена персонажей. Тимм совершенствовал навыки, приобретенные во время поездки в Северную Африку.

Рисунки предназначались для эстампов и, вернувшись в Петербург, художник занялся переводом собранного материала в литографии. «Реалистичные по содержанию, они способствовали пробуждению в российском обществе интереса к отечественной истории». (2)

Действительно, батальная живопись начала XIX в. характеризовалась парадностью в изображении персонажей. Конечно были и исключения, но они не были в большинстве. Рисунки же Тимма, натуралистичны. Впервые мы видим солдат кавказских войск, чей облик приспособлен к местным условиям войны и походной жизни. При кажущейся убогости поношенного обмундирования, в их облике все практично и функционально. Рисунки «Солдат Кавказского корпуса» и «Унтер-офицер Кавказского саперного полка» лучшее тому подтверждение.

Итогом кавказской поездки стало издание Тиммом в Петербурге печатного издания, вошедшего в историю

русских средств массовой информации под названием «Русского художественного листка». В его оформлении принимали участие художники А.И.Зауервейд, Г.Г.Гагарин, М.А.Зичи, А.И.Шарлемань, А.Ф.Чернышов, А.П.Боголюбов, Н.Е.Сверчков, И.К.Айвазовский, А.А.Иванов, П.А.Федотов, К.А.Трутовский и другие. Некоторые из них, позднее, станут известны своими картинами, посвященными событиям Крымской войны.

Первый номер вышел в свет в начале 1851 г. Более 400 портретов известных людей, среди которых было немало военных деятелей России, в том числе и героических защитников Севастополя стали неоценимым вкладом в сокровищницу мирового искусства.

Будучи патриотом, Вильгельм Тимм не мог остаться в стороне от событий происходивших в Крыму в 1854 –1856 гг. Еще до высадки союзников, весной 1854 г. художник едет в Севастополь и становится непосредственным свидетелем кампании. Большая часть рисунков – портреты. Тимм рисует лучший из образов адмирала П.С.Нахимова. Не смотря на то, что ракурс изображения только с относительной долей условности позволяет назвать этот рисунок портретом, психологический уровень изображения, динамика мысли в казалось застывшем адмирале, потзволяют отнести его именно к этому жанру. Нахимов не разрешал рисовать себя никому из художников, считая просто неуместным трату дефицитного времени на позирование. Тимм поступил разумно. Он, улучив момент, занял позицию за спиной адмирала и сделал карандашный набросок. Длительное пребывание в обществе Нахимова позволило ему понять характер героя севастопольской обороны, его внутренние переживания, и это существенно увеличило психологическую мощь работы. Многие современные художники считают этот рисунок лучшим из всех, которые были написаны на тему Крымской войны. Я не берусь оспаривать эту точку зрения, хотя уверен, что это так. Н.В. Берг был лично знаком с Тиммом по Севастополю, но в своих записках почему то утверждает, что никому из художников не удалось побывать на бастионах. Притом, ссылается на Нахимова. «Посылаю вам тетрадь моих воспоминаний о Севастополе и о дороге туда и оттуда. Для ясности некоторых мест я счел излишним приложить тут же и рисунки. Рисунки какие ни на есть, да они един-

ственные. Кроме меня, на бастионах никто не рисовал. Мне это говорил Нахимов. Они, кажется, были рады, что хоть кто-нибудь, да нашелся, и потому, думаю, были предоставлены мне все удобства. На 4-м бастионе даже стол и стул, и так как шел дождик, то солдаты держали надо мною лубки. Бывший со мною в одно время в Севастополе Тимм (издатель Худож. Листка), не рисовал ничего такого, а мог бы это дело сделать отлично, потому что мастер большой, работает живо ловко». (3)

Трудно сказать, что двигало Бергом, когда он писал эти строки. Может быть, банальная зависть художника малоизвестного к художнику известному, стремление преувеличить собственное место и роль. Хотя, нужно быть объективным, Тиммом он искренне восхищен: «А какой мастер рисовать Тимм!». (4)

Но сцена, когда во время боевой работы на 4-м бастионе солдаты укрывают от дождя художника – как-то сомнительна. Я думаю, что у них было чем заняться кроме этого. В дальнейшем Берг косвенно подтверждает сомнения насчет собственного творчества на бастионах. Так, портрет 10-летнего Коли Пищенко, сына погибшего матроса 57-го экипажа Тимофея Пищенко, он пишет на борту фрегата «Коварна», куда по его просьбе прислали юного артиллериста.

Некоторые рисунки Тимма напоминают иллюстрированные военные репортажи. Очевидно, что он не был свидетелем большинства из них, а рисовал по рассказам очевидцев, но это не умаляет достоинства работы. Так на рисунке «Боевая сцена» художник пишет внизу: «При отбитии неприятеля от Селенгинского редута (Севастополь) 12-го февраля 1855 г., штаб-горнист Волынского пехотного полка Семен Павлов, увидев, что офицер зуавов кинулся на генерал-майора Хрущева, поднял оружие от одного убитого, бросился между генералом и неприятелем, заколол последнего на месте и спас своего командира».

По мнению участников Крымской войны, точность в изображении у Тимма такова, что черноморские пластуны на рисунке «Защитники Севастополя. 1854» выглядят именно так, как действительно они выглядели в крепости. Бросается в глаза характерная манера ношения оружия, свойственная военным профессионалам, для которых оно было не просто штатным вооружением, а рабочим инструментом специалиста высокого класса. Это не удивительно:

в отличие от армии пластуны приобретали оружие чаще всего за свой счет и использовали не только для войны но и как средство добычи во время мирной жизни. У второго справа казака оно полностью зачехлено. Каждый из запечатленных имеет несколько единиц короткого холодного оружия, как правило, кавказские кинжалы, удобные для рукопашного боя в узком пространстве траншей. Патронные и капсюльные сумки расположены не там, где требуют высочайше установленные правила их ношения, а там, откуда удобнее доставать капсюли и патроны. Все максимально функционально, ничего лишнего. Почти все пластуны имеют знак отличия Ордена Св.Георгия, а у некоторых несколько медалей, свидетельствующих о том, что Крым – это не первая их кампания. Не удивительно, что у многих занимающихся изготовлением военно-исторической миниатюры есть работы сделанные на основе этого рисунка.

Не менее выразительны и портреты генералов и офицеров. Прежде всего, это генерал-лейтенант С.А.Хрулев, стоящий на одном из бастионов, с раненой рукой на перевязи. Его портрет точно соответствует описаниям современников. Н.В.Берг так описывал облик прославленного генерала. «Почтенный человек; славное лицо. Он мужчина высокого роста, чуть-чуть сутулый; черты лица выразительные. Ходил всегда в шинели и в черкесском папахе. Особенно оригинален был на коне...». (5)

Интересны генералы Липранди и Тотлебен. Лейтенант Н.А.Бирюлев, герой ночных вылазок в неприятельские траншеи. Измятые погоны, поднятый воротник офицерского пальто, явно пришитый по индивидуальному заказу для лучшей защиты от крымской непогоды и взгляд: выразительный, не сулящий ничего хорошего тому, кто станет на его дороге. Таких начальников любили солдаты и матросы.

А вот рядовые защитники Севастополя подчеркнута официальные. Строгий облик николаевских солдат. Идеально подогнанные мундиры. Бескозырки одеты с напускной лихостью. Тимм точен. То, что забывают иные художники, у него имеет место. Капсюльные сумки прикреплены правильно, шейные платки заправлены внутрь. Стрижки в соответствии с требованиями, когда волосы не могли касаться верхнего края воротника-стойки. Де-



В.Тимм. Французский зуав. (В оригинале картина называется «Мужчина, сидящий на камне»). 1845 г.



В.Тимм. Солдат Кавказского корпуса. Иллюстрация из «Русского художественного листка».



В.Тимм. Князь А.И.Барятинский. Иллюстрация из «Русского художественного листка».

тальность такова, что в наше время многие художники, работающие в жанре военно-исторической миниатюры, именно у Тимма заимствуют информацию о деталях униформы и снаряжения середины XIX в.

Не только русские солдаты и матросы были героями Вильгельма Тимма. На рисунке «Опрос пленных интервентов в Севастополе 1855 года» нашлось место и обликам неприятельских солдат. Фотографическая точность позволила передать саму атмосферу происходящего.

Очень точно дал характеристику творчеству художника Ф.Глинка, выразивший ее в стихотворных строках оды, написанной им 21 мая 1854 г. :

«Сколько жизни и движения

В мастерских его чертах:

Лица, подвиги, сражения

С дивной силой выражения

Все стоит у нас в глазах.

Тимм, ты будешь жить в потомстве,

Оживишь ему наш век,

Мне ж открыт в твоём знакомстве

И артист, и человек»

Севастопольский период наиболее сложный, но и наиболее плодотворный в жизни художника. Огромное число работ составило настоящую летопись Крымской войны. Тимм привез в Петербург великолепную подборку фактического материала, эскизы, наброски которые впоследствии были опубликованы в «Русском художественном листке». Севастопольская серия акварельных рисунков была представлена на рассмотрение в Академию художеств в сентябре 1855 г. Решение совета Академии гласило: «...за искусство и познание в живописном батальном искусстве признает и почитает художника Василия Тимма своим академиком».

После смерти Николая II, Тимм приступает к работе над циклом работ, посвященных коронации Александра II. Цикл акварелей и хромолитографий был воплощен в 1862 г. в «Коронационном альбоме». Это поистине энциклопедия придворного мундира середины XIX в. Кроме рисунков художника в альбом вошли работы Г.Брезе, А.Гейна, М.Зичи и других мастеров. Нужно добавить, что и в других работах, уже после Севастополя, Тимм тщательно и досконально, с немецкой педантичностью, воспроизводит детали военного и гражданского мундира, церковных оде-

жий. Достаточно взглянуть на «Залу в 1-м Кадетском корпусе, в котором происходили заседания редакционной Комиссии по крестьянскому делу» или на «Коленопреклонную молитву митрополита Филарета и всех присутствующих при священном обряде коронации», чтобы убедиться в этом.

Трудности жизни в неустроенном быте Севастополя оставили свой след на здоровье художника. Напряжение сказалось на зрении, которое начало катастрофически снижаться. По этой причине он в 1862 г. приостанавливает выпуск «Русского художественного листка». Символично, что последней литографией, помещенной в издании, стала снова батальная сцена - «Подъем осадной артиллерии на Турче-Даго в Дагестане». Оригинал, считающийся собственностью императора Александра I, Вильгельм Тимм в этом же году посылает на Лондонскую международную выставку.

Через два года художник вновь просит разрешение на продолжение издания «Художественного листка». При содействии князя Г.Гагарина ему удается получить права на работу в Москве. Но долго оставаться там он не смог. Зрение продолжало падать и ему пришлось вернуться в столицу.

В 1866 г. Вильгельм Тимм выезжает на родину в Ригу, где живет до 1990 г. В этот период ему приходится много времени проводить на курортах Европы, где он пытается восстановить зрение. И это ему удается. В 1876 г. Тимм поступает на должность художника в Берлинскую королевскую фарфоровую мануфактуру и начинает работать в новой для себя сфере - росписи изделий из майолики эмалевыми красками. Многие из его работы, известные по монограмме "WT" хранятся в европейских музеях и частных коллекциях до нашего времени.

За плодотворную деятельность в области художественного ремесла В.Тимму присваивают звание профессора Прусской Академии художеств. К 1880 г. он становится одним из известнейших европейских художников.

7 апреля (28 марта ст.ст.) 1895 г. Вильгельм Тимм умер в Берлине. Тело его было кремировано, а урна с прахом перевезена в Ригу и захоронена на немецком кладбище.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Липидус, Н., Вильгельм Тимм, М., 2005 г., С.9-10
2. Там же, С.14
3. Первых (Васильева) Д.К., Военный Крым. Кор-

- респонденции Н.В.Берга//Историческое наследие Крыма, № 11, 2005 г., С.39-40
4. Там же, С.50



В.Тимм. Истребление турецкой эскадры. Иллюстрация из «Русского художественного листка»



В.Тимм. Адмирал М.П.Лазарев



В.Тимм. Генерал-лейтенант С.А.Хрулев. Иллюстрация из «Русского художественного листка»



В.Тимм. Севастопольские герои. 1854 г. Иллюстрация из «Русского художественного листка»

ПОСЕЩЕНИЕ СЕЛЕНГИНСКОГО РЕДУТА, ПО ОТБИТИИ ШТУРМА 12-ГО ФЕВРАЛЯ 1855 ГОДА, ИХ ИМПЕРАТОРСКИМИ ВЫСОЧЕСТВАМИ ВЕЛИКИМИ КНЯЗЬЯМИ НИКОЛАЕМ НИКОЛАЕВИЧЕМ И МИХАИЛОМ НИКОЛАЕВИЧЕМ (Рассказ В.Тимма)

В ночь с 12-го на 13-е февраля, на Северной стороне Севастополя, была ясно слышна, со стороны Килен-Балки, сильная перестрелка, продолжавшаяся несколько часов. Еще до рассвета явился к Их Императорским Высочествам Великим Князьям адъютант барона Остен-Сакена, барон Гротгус, и донес о новом, удачном для наших войск отбитии неприятельского нападения на Селенгинский редут.

Их Императорские Высочества изволили говеть на истекшей перед тем неделе, и 13-го февраля, в седьмом часу утра, приобщались святых тайн во временно устроенной в северном укреплении походной церкви.

До возвращения Их Высочеств на свою квартиру, туда уже был представлен, адъютантом барона Остен-Сакена, князем Мещерским, один из французских офицеров зуавов, капитан Пиер. Он был единственный из неприятельских офицеров, взятый в плен в этом деле не раненым. Капитан был мужчина средних лет, испытанный африканский воин, крайне сожалевший о своей неудаче: сильный удар прикладом свалил его с ног, и не успел он опомниться, как уже был схвачен нашими молодцами. Капитан Пиер бранил своих солдат, зачем он не выручили своего капитана, но, вспомнив о своей любимой лошадке, горько зарыдал. До приезда Их Императорских Высочеств я оставался с ним около получаса наедине, и утешал его как умел. Он успокоился и объявил, что чувствует себя крайне утомленным после жестокого ночного боя. Французский капитан был по колено в грязи, в довольно толстой солдатской шинели, и повязанным на шею толстым шерстяным кушаком. Знаки его офицерского звания можно было видеть только на его красном кепи (род фуражки), обшитым тонким золотым шнуром. Я просил его прилечь, хотя на короткое время, на моем диване и приготовил ему подушку. Он учтиво отказался, сказав, что ему не до сна, но через несколько минут против воли заснул. Приезд Их Императорских Высочеств разбудил его. Ласковый прием Великих Князей и предложение их сегодня же отправить письмо его с парламентарем во французский лагерь, видимо успокоили капитана, и он с большим аппетитом выпил

предложенный ему стакан горячего чая.

В непродолжительном времени после сего, Их Императорские Высочества отправились верхом к баракам, куда уже была перевезена с Селенгинского редута часть раненых в этом деле, как наших, так и неприятельских. На пути к баракам я зашел в большой деревянный сарай, находившийся у сухой балки, в которой обыкновенно складывали тела убитых. Там я нашел несколько десятков храбрых, наших и неприятельских, которые лежали на полу мирно, один подле другого. У голов наших покойников, у каждого, горела свечка. Затем я поспешил к баракам, и прибыл еще до отъезда Их Высочеств. Здесь я был свидетелем, как ласково и утешительно для пострадавших, Государи Великие князья расспрашивали раненых о их славных подвигах и, и благодарили их за верную службу. В числе наших раненых был молодой солдат: у него на груди и ногах было более пятнадцати штыковых ран, но, благодаря полубубкам, бывших у наших солдат под шинелями, штыковые раны, наносимые французами, были не очень опасны. С самым деле этот молодой солдат на третий день выписался из госпиталя, и вступил в ряды своих храбрых товарищей.

Из палаты наших раненых, Их Императорские Высочества перешли в отделение раненых пленных неприятелей, где зрелище было ужаснее: стоны и крики не умолкали. Из числа неприятелей некоторые были с страшными ранами, почти все штыковыми; здесь я насчитал около двенадцати человек зуавов; в числе их находился капитан зуавов Лесаж, седовласый, но бодрый мужчина. Не смотря на свою простреленную ногу, он был весел и извинялся перед Их Высочествами, что представляется им в подобном положении. Капитан Лесаж много шутил, говорил, что ему уже более не танцевать, и проч. На предложение Их Императорских Высочеств: не желает ли он написать к своим, и что если не в силах, то к нему будет прислан офицер, знающий французский язык, капитан Лесаж вздохнул, принял с благодарностью сие предложение, и представил просьбу: нельзя ли будет отыскать амулет его, подарок матери, который он потерял в деле, по получении раны, говоря, что



Великий князь Николай Николаевич. 3-й сын императора Николая I. Генерал-адъютант, впоследствии генерал-фельдмаршал. Находился в Севастополе с 23 октября 1854 г. по 3 декабря 1854 г. и с 15 января по 21 февраля 1855 г. Участвовал в сражении при Инкермане 24 октября 1854 г., за что удостоен ордена Св.Георгия 4-й степени. Заведовал всеми инженерными работами, батареями и укреплениями на Северной стороне от Константиновской батареи до Мекензиевых гор включительно.



Великий князь Михаил Николаевич. 4-й сын императора Николая I. Генерал-адъютант, впоследствии генерал-фельдмаршал. Находился в Севастополе в чине генерал-майора 23 октября 1854 г. по 3 декабря 1854 г. и с 15 января по 21 февраля 1855 г. Заведовал артиллерийской частью. Участвовал в сражении при Инкермане 24 октября 1854 г., за что удостоен ордена Св.Георгия 4-й степени.

нижнюю часть живота, была смертельная.

Из палат раненых, Их Императорские Высочества спустились к Севастопольской бухте, где лихая осьмерка, с парохода «Владимир», быстро перевезла их со свитою к Килен-Балке, и остановилась у плавучего мостика. Здесь мы поднялись по крутизне горы к Селенгинскому редуту. По близости его открылось зрелище, которое передано мною, по возможности, на рисунке № 8-го русского художественного листка. Слишком девяносто тел неприятельских, преимущественно зуавов, в том числе несколько офицеров, лежали в два ряда, в том порядке, как они изображены на рисунке. На многих были видны страшные раны, все штыковые, у других же черепа были разбиты ружейными прикладами. В первом ряду, вторым (от зрителя) лежал тот офицер, который бросился было на генерал-майора Хрущова, но был убит штаб-горнистом (см. рисунок № 7-го Художественного Листка). При телах находился наш почетный караул. Вблизи уже изготавливалась для них огромная могила. Далее, на покатоности горы, лежали тела (до пятидесяти) наших храбрецов. Их вид был страшен, ибо наушники из черного сукна, бывшие на них во время боя, оттеняли резким образом бледность их лиц. Сослуживцы со слезами прощались с усопшими. Их Императорские Высочества Великие Князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич с умилением обошли ряды убитых. В свите Их Величеств, как изображено на рисунке № 8-го, находились генерал-адъютант Философов, полковник Вилламов, полковник Краснокутский, поручик граф Шувалов, а несколько далее флигель-адъютант князь Кропоткин, и ваш покорнейший слуга.

Мы оставили это новое кладбище. Вблизи готовилось зрелище иного рода, отраднее только что покинутого. У покатоности горы, ближе к бухте, отдыхали в живописных группах участники славного дела. Кто чистил свое ружье, кто наслаждался своим скромным завтраком, кто перевязывал рану себе или товарищу, - словом, дивная картина из боевого быта, и сверх всего прекрасно освещенная восходившим солнцем. Утро было чудное! Вид войска, после такого блистательного для него дела, представляет особо торжественную картину, но она поразила меня, так сказать электрическим ударом, когда храбрецы огласили воздух своим приветствием Их Высочествам, заведя Их приближение. Его Императорское Высочество Великий Князь Николай Николаевич, от имени Государя Императора, поблагодарил храбрецов за совершенный ими подвиг. Громкое рады стараться! и ура! были ответом. Эти кли-

ки долетали до слуха неприятеля, и ему стало досадно, ибо вслед за тем посыпались на это место штуцерные пули. В это время прибыл адъютант адмирала князя Меншикова с орденскими знаками для отличившихся. Его Императорское Высочество Великий Князь Николай Николаевич собственноручно вручил знаки отличия храбрым офицерам. Генерал-майор Хрущов, герой этого дня, представил Их Императорским Высочествам наиболее отличившихся. Сам генерал был в таком утомлении после тревожной ночи, что с трудом говорил и издавал одни хриплые звуки, ибо почти лишился голоса. По причине усталости генерал-майора Хрущова, я не мог тогда же снять портрет с него, но читатели Листка остались оттого в выигрыше, ибо в последний приезд генерала в С.Петербург, с него был снят фотографический портрет (см. № 7-го Листка); мое же рисование с натуры не могу сравнивать с фотографическими портретами.

Оставив храбрых волынцев почти на поле сражения (Селенгинцы были уже отведены), Их Императорские Высочества отправились на шлюпке в город, на перевязочный пункт. Не доходя до оно, на

площади показались пленные. В числе их был молодой человек, дерзкого, нахального вида, который бранился со всеми. Через несколько дней я вновь увидел его с другими пленными: он был тих, спокоен, по видимому, нашелся в своем положении и убедился, что выходки его не вели ни к чему. Лучшим подарком для пленных был табак и папиросы, на что они были весьма лакомы.

На перевязочном пункте, в так называемом инженерном доме, за Николаевскою батареею, у артиллерийской бухты находились перенесенные туда (с Селенгинского редута) раненые французские офицеры. Из них ни один не выздоровел: у всех раны были смертельные, и они скончались на другой день. Одного из этих офицеров нашли мы на смертном одре. Он передал свой крест почетного легиона доброй сестре милосердия, которая, под его диктовку, писала к его родным. Он уведомлял их, что жестоко страдает, но что его страдания вскоре кончатся на всегда.

Так прошел для меня этот день в Севастополе. Описал я его как видел, без прикрас и без всяких притязаний.

(Опубликовано: «Русский Художественный листок» № 9, 1857 г.)



В.Тимм. Опрос пленных в Севастополе в феврале 1855 г. На рисунке представлены пленные (слева направо): Иоганн Генрих Кальбфус, баварец, рядовой 2-го полка иностранного легиона; Жан-Жак Дефрое, бельгиец, рядовой 2-го полка иностранного легиона, 2-го батальона, 2-й роты; Ипполит Малин, француз, ефрейтор 2-го линейного полка, 2-го батальона, 2-й роты; Джордж Томпсон, англичанин, рядовой 95-го полка; Иоганн Ризер, швейцарец, рядовой 2-го полка иностранного легиона, 1-го батальона, 1-й роты; Андрей Герман, баденец, рядовой 2-го полка иностранного легиона, 1-го батальона, 1-й роты; Вениамин Сиврей, рядовой 2-го полка зуавов, 1-го батальона, 4-й роты; Бурахем Бон-Омар, из Константины, рядовой алжирских туземных стрелков; Джемс Хартон, американец, матрос с английского двухдечного корабля «Сан-Жан-д Акр»; Вилиам Фоульс, шотландец; Джордж Рупе, испанец из Валенсии, рядовой 2-го полка иностранного легиона, 2-го батальона, 3-й роты; Эмилий Кальцо, сардинец, рядовой 1-го полка иностранного легиона, 2-го батальона, 3-й роты; Иван Зенко, словак из Буковины, рядовой 2-го полка иностранного легиона, 1-го батальона, 1-й роты; Филипп Трайпер, ирландец, ефрейтор 77-го пехотного полка; Балтазар Фкус, пруссак из Кобленца, рядовой 1-го полка иностранного легиона, 1-го батальона, 2-й роты; Валентин Кастирчак, поляк из Позена, рядовой 1-го полка иностранного легиона; Адольф Морга, француз, унтер-офицер 3-го артиллерийского полка; Пиан, француз, ефрейтор, ранен 24 числа; Яхия Белькадур из Блиды, рядовой алжирских туземных стрелков; Мегмет Гуссейн из Стамбула, унтер-офицер турецкого пехотного полка. (комментарии к рисунку сделаны лично В.Тиммом)